

В диссертационный совет 24.2.320.07,
созданный на базе федерального государственного
бюджетного образовательного учреждения высшего образования
«Кубанский государственный университет»

350000 г. Краснодар, ул. Рашпилевская, 43, ауд. 11

Отзыв

**официального оппонента о диссертации и автореферате диссертации
Петровского Антона Владимировича «Институционально-
нормативная система предупреждения преступного поведения:
теоретико-прикладное исследование», представленной на соискание
ученой степени доктора юридических наук по специальности 5.1.4.
Уголовно-правовые науки**

Тема диссертационного исследования А.В. Петровского относится к числу *наиболее актуальных* как для современной криминологии, так и для науки уголовного права в силу особой роли предупреждения как наиболее желательного и предпочтительного способа борьбы с преступностью в сравнении с иными – фактически доминирующими, способами такой борьбы (пресечение преступлений, наказание за преступления, полная или частичная компенсация вреда, причиненного преступлениями).

Несмотря на то, что прошло более семи лет с момента вступления в силу Федерального закона № 182-ФЗ от 23 июня 2016 г. «Об основах системы профилактики правонарушений», который, несомненно, является базовым криминологическим законом страны, нельзя сказать наше государство и общество добились существенных и устойчивых успехов в области предупреждения как правонарушаемости в целом, так и преступности, в частности.

Во всяком случае, результаты деятельности субъектов профилактики правонарушений (в том числе преступлений), которые должны в соответствии с постановлением Правительства РФ от 30 декабря 2016 г. №

1564 «О проведении субъектами профилактики правонарушений мониторинга в сфере профилактики правонарушений в Российской Федерации» ежегодно (до 1 июня) представляться в Правительственную комиссию по профилактике правонарушений, *до настоящего времени ни разу не были опубликованы* в виде сводного отчета, обзора или доклада о состоянии профилактики правонарушений в России.

На сегодня названный выше Закон относится к небольшому кругу федеральных актов, которые ни разу за все время применения не подвергались изменениям, что само по себе представляется *редким явлением для работающих законов* (за этот период, например, в УК России изменения вносились более 90 раз).

Вместе с тем, нельзя утверждать, что государство «забыло» о профилактике правонарушений вообще. Эта государственная функция, разумеется, осуществляется, однако, на наш взгляд, далеко не в тех масштабах, не с той интенсивностью и эффективностью, с которой должна осуществляться, исходя из наших публичных и частных интересов.

Инициатор разработки данного Закона (МВД России), судя по пояснительной записке к законопроекту, исходил из того, что основной его задачей является *законодательное закрепление правовых основ функционирования системы профилактики правонарушений, включающей не только органы власти, но и «предпринимательское сообщество и институты гражданского общества», граждан, вовлекаемых «в системную профилактическую деятельность».*

Тем не менее, как показывает непредвзятый анализ, реализовать эту идею не удалось. Одним из самых существенных, концептуальных недостатков этого Закона, на наш взгляд, является *необоснованное сужение системы субъектов профилактики правонарушений.* Без ясного, нормативно закреплённого критерия (критериев) законодатель относительно произвольно ограничил данную систему *усеченной группой органов государственной власти и местного самоуправления, ошибочно*

полагая, что иные органы государственной власти, а также институты гражданского общества, отдельные граждане не выполняют функций по профилактике правонарушения, не осуществляют профилактического воздействия и, соответственно, не могут входить в систему субъектов профилактики правонарушений.

На необоснованность такого подхода обращал внимание Комитет Государственной Думы по безопасности и противодействию коррупции, в п.3 заключения которого по проекту федерального закона №421465-6 «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации» отмечено, что *исключение организаций и граждан из числа субъектов профилактики правонарушений противоречит положениям того же законопроекта (ряд из которых сохранен в рассматриваемом Законе) об участии организаций и граждан в профилактике правонарушений.*

Таким образом, базовый криминологический закон страны, на наш взгляд, *лишь усугубил несбалансированность национальной системы профилактики правонарушений (в том числе преступлений) в пользу государственного сектора этой системы, отведя негосударственным институтам, прежде всего гражданам, роль пассивных участников, которые вовлекаются в профилактическую деятельность лишь по инициативе уполномоченных органов государства и лишь в тех формах и пределах, которые определены законом.*

В этой связи *нельзя не поддержать ту цель, которую поставил перед собой диссертант, и которая состояла в разработке теоретических основ сбалансированной модели предупреждения преступного поведения, включающей правовые и неправовые, государственные и негосударственные механизмы.*

Одним из несомненных достоинств диссертации, на наш взгляд, является отказ соискателя от вульгарного противопоставления собственно криминологической и уголовно-правовой профилактики преступлений, в

которой сложным образом сочетается репрессивное и превентивное начала.

Несмотря на то, что исследованию проблем профилактики преступного поведения посвящены без преувеличения сотни отечественных и зарубежных монографических исследований (в том числе десятки докторских диссертаций), непрерывное изменение криминологических реалий, их культурного контекста, развитие инструментов познания, не позволяют утверждать, что на сегодня всё в этой сфере исследовано «вдоль и поперек» и ничего нового уже открыть нельзя.

Своей научной квалификационной работой диссертант, на наш взгляд, достаточно убедительно доказал, что это не так.

Существо *новизны рассматриваемого диссертационного исследования* состоит в теоретико-прикладной разработке и обосновании новой, качественно отличающейся от действующей сегодня в России, модели предупреждения преступности, основанной на изменении существующего баланса правовых и неправовых (прежде всего, нравственных и духовных) механизмов профилактики в пользу последних, что должно привести к существенному повышению эффективности всей системы профилактики преступности в целом.

При этом диссертант вовсе не предлагает полностью отказаться от использования традиционного для России (и большинства стран мира) репрессивно-превентивного подхода к противодействию преступности, достаточно обоснованно, на наш взгляд, полагая, что предел эффективности этого подхода не достигнут.

Сегодня благодаря новым цифровым технологиям автоматизированного сбора информации и обработки данных применение традиционных уголовно-правовых, уголовно-процессуальных и пенитенциарных мер противодействия преступности может стать частью

подлинно научной, а не интуитивно формируемой уголовной политики государства.

Практическое значение диссертационного исследования А.В. Петровского, как показывает анализ, состоит, прежде всего, в разработке и научном обосновании совокупности взаимосвязанных нормотворческих, организационно-правовых, организационно-методических и правоприменительных решений, которые могут быть использованы федеральным законодателем и иными нормотворцами, уполномоченными в сфере борьбы с преступностью, а также правоприменителями для достижения целей повышения эффективности профилактики преступности, административной правонарушаемости и иных социальных отклонений посредством реинтеграции государственных и институтов профилактики правонарушений.

Методология и методика диссертационного исследования А.В. Петровского, на наш взгляд, в полной мере отвечают особенностям его объекта и предмета, базируются на апробированных и подтвердивших свою эффективность в социологии, криминологии и праве научных методах исследования социальных (в том числе правовых) реалий и процедурах применения таких методов.

Эмпирическая база рассматриваемого исследования отвечает требованиям социологии права в части, относящейся к соблюдению правил, обеспечивающих соответствие критериям репрезентативности и релевантности отобранного для исследования материала.

Результаты, полученные соискателем при изучении эмпирических данных о состоянии борьбы с преступностью в России (в том числе профилактики преступности), состоянии и тенденциях изменений в преступности и ее факторном комплексе, имеют оригинальный характер, обладают свойствами новизны и отвечают содержанию положений, вынесенных на защиту.

Результаты выполненного соискателем диссертационного исследования, на наш взгляд, имеют *достаточную степень апробации* – опубликованы в 2 монография и 4 учебных пособиях, 88 научных статьях (включая 29 статей в рецензируемых изданиях, рекомендованных ВАК при Минобрнауки России; использованы соискателем в учебном процессе в Кубанском государственном университете в целях обеспечения преподавания курсов криминологии, предупреждения преступлений, экономической криминологии, законодательного регулирования предупреждения преступлений; обнародованы соискателем на 13 международных, 9 всероссийских научно-практических конференциях, иных научных мероприятиях в период с 2011 по 2023 гг.

Рассматриваемой диссертации и ее автореферату свойственен выдержанный научный стиль. Структура диссертации отвечает, по нашему мнению, особенностям объекта и предмета, целям и задачам соответствующего исследования, а ее оформление – требованиям ГОСТа, применяемого к оформлению результатов завершенных научных исследований.

Обоснованность и достоверность основных положений диссертации и выводов соискателя по рассматриваемой диссертации не вызывают сомнений.

Автореферат соответствует диссертации.

Научные работы, опубликованные соискателем, отражают основное содержание диссертации и удовлетворяют требованиям п 11, 13 Положения о присуждении ученых степеней, утвержденного Постановлением Правительства Российской Федерации «О порядке присуждения ученых степеней» от 24 сентября 2013 г. № 842 (ред. от 26.10.2023).

Отмечая достоинства диссертационного исследования А.В. Петровского и соответствие данного исследования требованиям, установленным Правительством России, полагаем необходимым обратиться

внимание диссертационного совета и самого соискателя на следующие, на наш взгляд, недостаточно обоснованные с научной или правовой точки зрения, спорные или не вполне корректные положения:

1. Чрезмерно категоричным, на наш взгляд, является утверждение диссертанта о том, что «Современное превентивное законодательство ...устанавливает правила, чуждые традициям народов» (с.3 диссертации, автореф. дисс., с.6 дисс.). Вряд ли можно считать чуждым традициям народов России, например, положение ч.1 ст. 19 Федерального закона от 23 июня 2016 г. №182-ФЗ «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации», согласно которому «лицу, в отношении которого применяются меры индивидуальной профилактики правонарушений» разъясняются его моральная и правовая ответственность перед обществом, государством, а также социальные и правовые последствия продолжения антиобщественного поведения.

2. В определении понятия «криминологическая норма», вынесенном на защиту в качестве положения 1-го (с.10 автореф., с.18 дисс. и др.), диссертант исходит из того, что криминологической нормой следует считать «правило должного поведения ...закрепляемое в виде законодательных положений либо социально-антропологических установок, имеющее ... предназначение регулировать различные правоотношения в сфере познания преступности, преступлений, криминогенных детерминантов ...». Данная дефиниция представляется нам небезупречной по следующим основаниям.

Во-первых, криминологические нормы в предложенном диссертантом понимании могут закрепляться не только в виде законодательных, *но и иных нормативных правовых положений* (например, положений, закрепляемых в указах Президента России, постановлениях Правительства России, приказах федеральных органов исполнительной власти, иных органов государственной власти, наделенных полномочиями в сфере борьбы с преступностью (в частности,

в приказах МВД России, ФСБ России, ФТС России, СК России, Генеральной прокуратуры Российской Федерации).

Во-вторых, предложенное диссертантом определение не позволяет сделать однозначного вывода о том, могут ли криминологические нормы быть закреплены в постановлениях Конституционного Суда РФ, пленума Верховного Суда РФ, государственных стандартах, которые, на наш взгляд, не относятся ни законодательным положениям, ни к социально-антропологическим установкам.

В-третьих, не все нормы, предназначенные регулировать правоотношения в сфере познания преступлений (*например, правила квалификации преступлений*), на наш взгляд, следует считать именно криминологическими, а не, например, уголовно-правовыми, уголовно-процессуальными (в том числе оперативно-розыскными).

3. Небезупречной представляется предложенная соискателем в положении б-м, вынесенном на защиту, модель гармонизации существующей институционально-нормативной системы предупреждения преступного поведения с социальными интересами, «исходными общеправовыми, отраслевыми, гражданскими принципами» (с.11 автореф., с.19-20 дисс. и др.).

Так, диссертант, в частности, предлагает в случае выявления «преступного умысла или социально-психологической криминальной направленности» (п. «б». положения б-го, вынесенного на защиту) применять не только так называемые «потестарные», т.е. по своей сути общественные неправомерные меры воздействия), но и меры «полицейско-принудительного характера», что на наш взгляд, противоречит тем самым исходным общеправовым принципам, о которых диссертант говорит выше (в частности, принципу виновной юридической ответственности за общественно вредное (в том числе общественно опасное) поведение.

Не выраженный в поведенческом акте преступный умысел (т.е. не высказанный, не нашедший текстуального или иного графического

выражения в письменной, иной материальной или электронной форме, не проявившийся конклюдентно – в конкретном действии или бездействии) исходя из этого принципа *не может иметь никаких юридических последствий* (ни уголовно-правовых, ни административно-правовых, в частности. Напротив, *умысел на совершение преступления, нашедший выражение в конкретном нереализованном до конца акте поведения* в зависимости от тяжести такого преступления может и должен влечь административную или уголовную ответственность, что в целом соответствует действующему УК РФ и КоАП РФ.

Однако второй случай охватывается очерченной в п. «в» положения 6-го, вынесенного на защиту, моделью гармонизации действующей системы предупреждения преступности с социальными интересами и общественными принципами.

Реализация изложенного в п. «б» положения 6-го, вынесенного на защиту (если исходить из того, что диссертант имеет в виду не проявившийся в поведенческом акте преступный умысел) в таком случае становится возможной лишь при переходе от принципа виновной ответственности к принципу наличия вероятной вины, когда правоприменитель начинает осуществлять превентивные меры в отношении конкретного лица (лиц) без объективных к тому оснований, если сочтет, что *умысел на совершение таким лицом преступления существует с высокой долей вероятности* («highly likely»).

На наш взгляд, такой подход *не может быть поддержан*, тем более, если речь идет о «высоко вероятностном» наличии умысла на совершение тяжких и особо тяжких преступления, если этот умысел никак не проявился во вне, а является лишь догадкой (предположением) следователя или суда.

4. Предложенное диссертантом определение понятия «потестарная профилактика правонарушений» (положение 17, вынесенное на защиту, с.14 автореф., с.24 дисс. и др.), на наш взгляд, является противоречивым,

поскольку относит к потестарным мерам, в частности, семейные, профессиональные и иные негосударственные практики предупреждения правонарушений, которые не только допущены (не запрещены) государством, но и легитимированы, *т.е. приобрели нормативно-правовую форму, в частности, форму закона.*

Например, к такой практике можно, по-видимому, отнести распространённую во многих российских семьях традицию не отпускать несовершеннолетних детей на ночные прогулки без сопровождения взрослых.

На сегодня законодательство об административных правонарушениях большинства субъектов РФ устанавливает для нарушающих это правило родителей и лиц, их заменяющих, административное наказание. Так, согласно ч.3 ст.3.12 Кодекса города Москвы об административных правонарушениях непринятие родителем мер по недопущению нахождения в ночное время (с 23 часов до 6 часов) несовершеннолетних, не достигших возраста 16 лет, без сопровождения родителей (лиц, их заменяющих), в частности, в парках, помещениях общего пользования (на технических этажах, чердаках, в подвалах) и на крышах жилых домов, на территориях, прилегающих к школам может влечь наказание в виде штрафа до пятисот рублей.

Отнесение таких практик к собственно потестарным, по нашему мнению, нецелесообразно, поскольку значительное число (если не большинство) мер, используемых сегодня государством для достижения целей профилактики правонарушений (в том числе, преступлений), придется отнести к потестарным мерам такого рода. *В превентивном эффекте легализованных обычаев, нравственных запретов почти невозможно разграничить государственный и негосударственный элементы и, соответственно, уверенно ответить на вопрос о преобладающем влиянии одного из них.*

5. Поддерживая идею диссертанта о том, что основой для предупреждения преступности служат результаты криминологического мониторинга, не можем согласиться с предлагаемым соискателем дополнением

ст.16 Федерального закона № 182-ФЗ от 23 июня 2016 г. «Об основах системы профилактики правонарушений» новой ч. 1¹, в которой мониторинг сведен к анализу «состояния преступности, ее структуры, динамики, причин и условий правонарушений, личностных особенностей правонарушителей, эффективности применяемых профилактических практик» (с.29 автореферата и др.), в то время как согласно п. 7 ст. 2 названного Закона мониторинг включает также *прогнозирование причин и условий, способствующих совершению правонарушений, оценку эффективности деятельности субъектов профилактики правонарушений*. Кроме того, с точки зрения криминологии, и государственного управления любой мониторинг начинается со сбора данных об объекте мониторинга.

Хорошо известно, что существующая сегодня в России система мониторинга преступности и иных объектов криминологического наблюдения основана преимущественно на данных уголовной статистики. При этом официальный мониторинг общественного мнения и мнения экспертов не осуществляется и, соответственно, не предусматривает процедур сопоставления данных, полученных из этих источников, формулирования сводных оценок и прогнозов.

Приведенные выше недостаточно обоснованные, спорные, или не вполне корректные, на наш взгляд, положения диссертации Петровского Антона Владимировича на тему: «Институционально-нормативная система предупреждения преступного поведения: теоретико-прикладное исследование», представленной на соискание учёной степени доктора юридических наук по научной специальности 5.1.4. Уголовно-правовые науки носят частный характер и не изменяют общей оценки данной работы как соответствующей требованиям абз. 1 п. 9 и п. 10-14 Положения о присуждении ученых степеней, утвержденного Постановлением Правительства Российской Федерации «О порядке присуждения ученых степеней» от 24 сентября 2013 г. № 842 (ред. от 26.10.2023).

Диссертация Петровского А.В. является завершенной научно-квалификационной работой, содержащей комплекс взаимосвязанных теоретических положений, совокупность которых можно квалифицировать как научное достижение в области криминологии и уголовного права.

В этой связи полагаю, что Петровский Антон Владимирович заслуживает присуждения ему ученой степени доктора юридических наук по научной специальности 5.1.4. Уголовно-правовые науки.

Официальный оппонент:

доктор юридических наук (специальность 12.00.08 – уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право), профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, советник руководителя Федеральной антимонопольной службы.

(Адрес: 125993, г. Москва, ул. Садово-Кудринская, д.1, Д.-242, ГСП-3, email: delo@fas.gov.ru; тел.: 8(499) 755-23-23).

Сергей Васильевич Максимов

21 января 2024 года.

Подпись руки <u>С.В. Максимова</u> заверяю, Консультант отдела государственной службы центрального аппарата ФАС России	
<u>А.А. Рымбурова</u> « 22 » <u>января</u> 20 <u>24</u> г.	

С отзывом ознакомлен Антон А.В. Петровский 31.01.2024 г.